

Глава 9. Легкость в мыслях необыкновенная

Прошло около восьми месяцев, если календарю еще можно было верить. Если вообще чему-либо еще можно было верить. Впрочем, какие-либо сомнения в сохранности собственной картины окружающего мира способны были испытывать лишь очень немногие лица – те, которые обладали относительно полной и безопасной информацией о происходящем на планете. Но как раз им не стоило беспокоиться, поскольку их ментальная гигиена обеспечивалась многостадийными инфо-фильтрами, задерживающими опасный контент, их система представлений ежедневно проверялась при помощи скрупулезных тестов, более того – они были единственными, кто знал о самой необходимости всех этих процедур. Все остальные, то есть миллиарды человек, ежеминутно сплетающиеся в триллионы коммуникационных узлов, не замечали ничего странного или сомнительного в том, что происходило в их жизни, с каждым днем имея все меньше оснований для своего скептицизма. И все меньше возможностей для него.

Китай и Россия ввели в действие собственные тексты, не дожидаясь обнаружения троянцев противников. Их исследовательские центры в решении этой задачи продвигались практически нос к носу, не в последнюю очередь благодаря взаимопроникающему шпионажу. Эта причина, а также то, что ни у кого из вступивших в противодействие не оказалось методики, позволяющей надежно определять содержание и направление нанесенных противниками ударов (еще одно отличие от боевых протоколов, привычных для их штабов), привели к тому, что каждая из сторон предпочла “выстрелить” со всей силой, на которую она оказалась способна.

Каждый новый этап распространения троянцев устанавливал новые границы на мировой арене. Впрочем, правильнее будет сказать, что это было не столько изменение границ, сколько приведение географии государственного менталитета в соответствие с картой номинальных границ империй. Впрочем, обратный процесс также имел место, так как ментальная аннексия всегда предшествовала юридической (и могла исключить необходимость применения грубой силы). Например, русскоязычный ареал и требующийся для усвоения сообщений Кремля менталитет не идеально соответствовали границам российской федерации – в одних районах выходя за ее пределы, а в других уступая им. Аналогичная ситуация была и в Китае, где доминирующий байхуа и верность Пекину также не равномерно покрывали все регионы, на которые распространялась юрисдикция компартии.

Цели, которые преследовала суб-меметическая “бомбардировка” населения, были типичными и хорошо изученными для этих двух игроков – их государственные машины давно уже не мыслили себя без мощной и постоянно совершенствуемой пропаганды, которая осуществлялась всеми доступными методами и средствами. Поэтому добавление в набор используемых инструментов еще одного высокотехнологичного в лингвистическом отношении приема оказалось заурядным событием, гармонично дополняющим те стратегические планы, которые преследовало руководство этих стран. Идеологическая нагрузка новых механизмов осталась той же – каждая из систем с помощью троянской технологии усиливала скрепы, на которых держалось контролируемое ей общество, утверждала и обосновывала онтологические столпы собственного менталитета.

Так как эффект от этих ударов проявлялся не сразу, накапливаясь в течение дней, а то и недель, все противники, включая Ватикан, успели выбросить в информационное пространство десятки посланий, содержащих суб-меметические установки (такое или близкое к нему имя они получили во всех соответствующих центрах) – адресованные пастве, электорату, обывателям, военным, домохозяйкам, молодежи, уголовникам, учителям, детям, финансистам, торговцам и прочим социальным группам, слоям и стратам, на которые выборки обслуживающих государственные

стратегии социологов вдоль и поперек нашинковали национальные общины, группы потребителей, активные слои населения контролируемых ими стран или приверженцев той или иной конфессии...

Это была необычная война, не похожая ни на одну, бывшую до этого – безмолвная, бескровная, не вызвавшая ни одной мобилизации и не имевшая ни одной жертвы среди солдат, вся сосредоточенная на ничего не подозревающем населении – на собственном населении. Но на внешних чертах странности этих военных действий не заканчивались. В штабах заседали военные, которые ровным счетом ничего не решали, в кабинетах разрабатывались стратегические планы, в которых отсутствовало определение противника, командованием скрупулезно рассчитывались тактические ходы – без какого-либо представления об их последствиях и без возможности оперативного влияния на ранее предпринятые действия... В сущности, в этой войне каждая система боролась за себя, пытаясь укрепить в массах то мировоззрение, на котором она держалась, которое до сих пор этим массам доставлялось по другим каналам – по каналам, подверженным критическому осмыслению, допускающим рациональную оценку, и, в силу этого, уязвимым для скептических фильтров. Безусловно, каждая из систем имела опыт десятков (а некоторые – сотен) лет сведения к минимуму влияния факторов, подавляющих эффективность пропаганды, таких, как скептицизм, критическое осмысление, проведение исторических параллелей и т.п., однако итоговые результаты не всегда были достаточно удовлетворительными. Как ни старалось государство, его гражданам все еще была свойственна инстинктивная потребность вырваться из навязанных ценностных нормативов и когнитивных запретов – стоило их обнаружить, как тут же включался миллионелетний защитный механизм животного, требовавший простора и свободы маневра для выживания. Новый инструмент подарил такую возможность импринтинга установок, о которой давно мечтали все – он позволял наносить такие линии разметки на магистрали общественного сознания, которые невозможно было ни обнаружить, ни нарушить.

Несмотря на то, что эти манипуляции в основном разворачивались на собственной территории, все участники событий отлично понимали, что от эффективности действий конкурентов зависит их собственная безопасность и фокус их завтрашнего сосредоточения усилий. Поэтому каждый из них не упускал возможности распространить свое влияние на ареал, контролировавшийся суб-мемами противников. Это было нелегко, поскольку ментальные и культурные границы, формирующие мировоззренческие цитадели населения, оказалось взять не в пример сложнее, чем укрепленную брустверами крепость. В этом отношении новый способ ведения информационного противостояния принес немало сюрпризов.

С одной стороны, жизнь в обществе продолжалась точно такой же, какой она текла до этого: сохранялись те же локальные конфликты, периодически случались привычные финансовые неурядицы, регулярно возникали коррупционные скандалы, между государствами происходили обмены нотами или намерениями о сотрудничестве... Впрочем, внимательные люди, наблюдая за геополитической ареной, могли заметить, как постепенно сократилось число визитов на высшем уровне, как вышли из моды очные встречи представителей ведущих стран или помпезные выходы на публику первых лиц государств. Точнее – они могли бы это заметить, если бы ведущие игроки не позаботились об этом соответствующими мерами – теми самыми, которые исключали у граждан потребность в критическом осмыслении окружающего их информационного пространства.

Изменения, которое вызывали в обществе эти суб-меметические воздействия, происходили быстрее, чем ожидалось. Обнаружилось, что инертность общества, на которую ранее сетовали все пропагандисты, была обусловлена тем, что на установки менталитета обычно воздействовали косвенным образом, пытаясь донести метафорами или надоедливой пропагандой те идеи, которые теперь – в новом транспортном механизме – стало возможным доставлять напрямую. Конечно, суб-мемы не были способны покрыть все потребности в манипуляции общественным мнением, их

смысловое пространство было слишком абстрактным для этого... но ведь и старые методы внушения никто не отменял. Просто новый инструмент позволил увеличить глубину культивации почвы.

Некоторые из тревог, возникших в самом начале в политических штабах, к счастью, не подтвердились. Одной из них была опасность усиления мира ортодоксального ислама при помощи технологии троянского внушения. Цивилизованному обществу и без того хватало проблем с ядерными технологиями в руках исламских фундаменталистов, поэтому мысли о том, что к этой головной боли добавится еще и неподконтрольное внушение идей исламизма, изрядно портили кровь политикам и прогнозистам, описывавшим перспективы распространения технологии троянцев. Однако очень скоро выяснилось, что мир правоверных полностью проигнорировал этот инструмент. Сперва в это никто не хотел верить, но затем были получены подтверждения (в т.ч. от внутренних источников, приближенных к главным идеологам ислама), что это на самом деле так.

Этому факту пытались дать самые различные объяснения, в числе которых называлось как слабое развитие лингвистических школ, так и недоверие к естественно-научной парадигме у представителей данной культуры. Возможно, все они были верны. Но более вероятной была следующая причина: лидеров исламской цивилизации, управляющих умами мусульман, попросту рассмешили те высокотехнологичные усилия и замысловатые ухищрения, к которым приходилось прибегать правителями западной цивилизации, последователям Маркса-Конфуция или репрессивным структурам, освященным православным елеем, только лишь для того, чтобы удержать под контролем мысли вверенной их попечению толпы. Полторы тысячи лет ислам прекрасно справлялся с этой задачей, не прибегая к каким-либо замысловато-абстрактным ухищрениям. Для гомогенизации когнитивных моделей мусульман достаточно было коротких сур из Корана – их регулярное ежедневное повторение очищало извилины правоверных с такой эффективностью, которая превосходила КПД промышленной пескоструйной машины, способной не только отполировать до блеска фасад здания, но даже сравнять всю архитектуру с уровнем земли.

Помимо уже перечисленных крупных игроков, вступивших в суб-меметическую гонку, больше никакая глобальная структура в этой войне себя не проявила. В сущности, таких, которые бы имели цельную идеологию, желающих и способных осуществлять меры подобного характера, в мире уже не оставалось. На одной из встреч штаба, где присутствовали ведущие лица госдепартамента, проверенные генералы и несколько ученых из бывшей группы Илион (в том числе Пауэлл), кое-кто обеспокоился: какой реакции стоит ожидать от Европейского союза? Нужно ли кооперироваться с ними, давать им помощь, использовать их негласным образом или воспринимать их как противника?

На это ответил Уинстон Кларк, который уже успел проработать данный вопрос с социологами и политологами: “Что касается ЕС, можете не беспокоиться. Каждому из членов структуры, известной под этим названием, абсолютно наплевать на все, кроме собственного уюта и благополучия. Их ментальность и онтология уже полстолетия лишены какой-либо единой цельности, представляя из себя аморфное желе примитивных целеустановок с очень коротким прицелом, а вся их система ценностей – гибкая и безразмерная, как...”. Сбоку донеслось: “Как сиськи старой проститутки...” – это пробурчал Нил Торрес, который не стеснял себя в выражениях с той поры, как военные утратили решающее слово в разработке стратегических планов.

Оба оказались совершенно правы – большая часть Европы давно уже представляла из себя конгломерат дряхлых и безвольных образований, насквозь конъюнктурных, с трудом обслуживающих собственные интересы путем оппортунистического лавирования между различными политэкономическими берегами. После того, как вызванные второй мировой войной и усиленные влиянием СССР разногласия были вытеснены в коллективное бессознательное, каждая страна, вошедшая в ЕС, не сговариваясь с остальными, приняла универсальную стратегию поведения, которая позволяла ей с наибольшей выгодой продавать собственную позицию любому трейдеру, сделавшему

лучшее предложение на мировой политической бирже. Если трейдеров оказывалось несколько, а ставки были диаметрально противоположны, но при этом одинаково соблазнительны, это не препятствовало членам ЕС принять условия каждого. Эта среда исключала какую-либо возможность распространения той или иной онтологически цельной концепции – подобные попытки постигла бы та же судьба, которая ждала порцию меда в бочке с доминантой известного содержимого. Крупные игроки махнули на ЕС рукой, отлично понимая, что течение рано или поздно разнесет эти страны по тем направлениям, в сторону которых они спокойно дрейфовали последние полвека.

Впрочем, Великобритания, которая покинула Евросоюз, не пожелав мириться с подобным положением дел, была наделена статусом союзника и немедленно посвящена в суть происходящего. В результате она приняла участие в игре на стороне свободного демократического общества.

В целом, по мере того, как глобальные системы углубляли и усиливали собственный культурно-ценностный фундамент, в мире усиливалась стратификация онтологий. На граничных или смешанных ментальных областях происходило подковерное “перетягивание каната” – каждый участник активно насыщал население собственными суб-мемами, пытаясь компенсировать возможные проникновения концептуальных установок противника, а также желая закрепить ранее достигнутые собственные результаты (или откорректировать допущенные ранее ошибки, которых также хватало с избытком). Этот процесс уже невозможно было остановить ни в одной мировоззренческой системе (такое определение вытеснило устаревшие категории “страна” и “государство”, поскольку ряд стран фактически оказались переформированными по онтологиям контролирующих их суб-меметических концепций). Ватикану удалось подчинить себе всех католиков Европы: Италию, Испанию, Польшу и Францию... Европа не противилась, хотя ряд северных государств, предпочитающих сохранить выгоду от членства в НАТО, воспользовался опытом госдепа и задействовал на своей территории его концептуальные наборы – в основном, с целью обезопасить себя от угрозы, исходящей от примыкающего к их восточным границам сильного и циничного противника.

Мелкие пограничные страны с амбивалентной идеологией, население которых всегда испытывало давление многовекторного менталитета, подчиненные комплексному влиянию различных религиозных конфессий и лишённые собственной языковой доминанты, постигла вполне предсказуемая судьба – номинально сохраняя суверенитет, фактически они оказались расчленены. Немало подобных маргинальных образований постигла незавидная судьба Украины, которая уже через четыре месяца после вброса первых троянцев оказалась фактически разорванной на несколько частей. Ближайшие к Польше и Венгрии области накрыла волна католического внушения, что привело к полной утрате столицей контроля над настроением и поведением граждан этой части территории. Области, в силу культурно-исторических особенностей оставшиеся под влиянием России, испытали на себе мощное воздействие имперской скрепно-православной идеи, которая теперь уже полностью царствовала на территории их восточного соседа.

Аналогичная судьба постигла ряд стран Прибалтики, в которых число русскоязычных духовных наследников “великой” советской империи составляло не менее четверти – их языковая принадлежность, усугубленная тоской по пониманию их “неповторимого менталитета”, определила их уязвимость к соответствующим суб-мемам, нахлынувшим с востока. Это привело к тому, что данная часть населения с легкостью впитала в себя феодальные установки на “имперское величие”, почвенничество и славянофильство, все те идеологемы “русского-православного мира” и элементы народно-патриотической (в худшем смысле этих слов) идеи, которая не раз уже демонстрировала возможность получения астрономических величин путем бесконечного перемножения нулей. Результатом этого процесса стало контрастирование социума по географическому признаку – жители страны, для которых она никогда не была родной, и которой они сами были чужими, превратились в ментальных коллаборантов и ощутили в себе подсознательное желание переместиться поближе к

восточным её границам. Это вызвало к жизни процессы внутренней миграции, вектор которой был направлен на восток – туда, где каждый из трепетно оберегающих свой язык и мировосприятие, освященные характерными историческими свершениями и соответствующими им ценностями, обнаруживал свою культурную родину, своих единомышленников, “своё всё”. Этими добровольными перемещениями граждан, нередко заканчивающимися покиданием ее пределов, каждая из стран со смешанным менталитетом постепенно очищалась от чужеродных тел – подобно тому, как организм выводит по естественным каналам сброса то, от чего ему необходимо избавиться. Этот процесс государственной перистальтики протекал совершенно естественно и устраивал всех – как тех, кто уезжал, так и тех, кто оставался.

Карта – это не территория, сказал когда-то Альфред Коржибский. Теперь к его словам просилось дополнение: в еще меньшей степени с территорией можно сопоставить менталитет. Несмотря на то, что менталитет обычно заключают в границы какой-то территории, на самом деле он не является ее производной. Менталитет не просто рисует свою собственную карту мира, он сам фактически является такой картой. И эта карта всегда будет тяготеть к таким же картам, нарисованным сходным (или, как минимум, комплементарным) менталитетом. Если эта карта достаточно уникальна – территория, на которой торжествует данный менталитет, защищена. В противном случае она сольется с территорией, чьи карты набросал более успешный, более опытный, более заверченный и обстоятельно разработанный инструмент-менталитет. А между готовностью с оружием в руках защищать территорию страны, которую ты наивно отождествляешь с собой, и способностью *по существу вопроса* противопоставить чужому менталитету что-либо собственное, содержательное и реально отличное от него – огромная разница.

Умереть, защищая собственную географию, способен любой хуторянин. Как удачно отметил классик: “Зарезать и легионер сумеет. И умереть за отечество тоже. И территорию расширить, и пострадать...” Гораздо труднее обладать такой национальной идеей, которая бы на самом деле – своим содержанием – отличалась от идей тех, кто претендует на твой хутор. Процесс вызревания подобных национальных концепций длится веками, стимулируется войнами, потрясениями и кризисами, которые сплачивают национальный менталитет, однако далеко не всегда завершается успехом. И, конечно же, подобную идею не способны создать ни тысячи конъюнктурных дельцов от культуры, мгновенно улавливающих смену ветра и ориентирующих свой дискурс вслед за дрейфом источников государственных подачек, ни десятки миллионов патриотических овец, хором блеющих: “Мова – добрэ, язык – погано!”. Потребности, которые удовлетворяют индивиды, скандирующие эти лозунги, апеллируют к очень примитивным концептам, присутствующим повсеместно – в том числе, у конкурентов на их территорию. Парадигма “приспособление-любой-ценой” не имеет национальных или языковых границ, поэтому ее носителям только кажется, что они сопротивляются сильному соседу, который пытается навязать им собственные формы ее воплощения – чаще всего противопоставить ему им нечего.

Страны, в которых мультивекторность менталитета была изначальной характеристикой и особенностью их структуры, сохраняя собственные границы *de jure, de facto* оказались разрезанными надвое, а иногда и на большее число частей. Причем ментальная обработка населения очень скоро привела к тому, что это разделение обрело статус само собой разумеющегося факта. Некоторые из них (большей частью в Восточной Европе) уже даже были готовы к тому, чтобы привести свое *de jure* в соответствии с реалиями... Однако с этим последним шагом уверенная в своей победе Россия не спешила – учитывая динамику изменений, происходящих в мире, ей было не до этого. Информационная война была в разгаре, и Кремль предпочитал сосредотачиваться на других вопросах – у него было немало проблем на дальнем востоке, где обильное присутствие китайских рабочих привело к практической аннексии территории второй супердержавой. Сам Китай в это время также был

занят решением собственных проблем – все его силы уходило на вытравливание остатков вредных идей в мировоззрении населения Тайваня, которое должно было отвернуться от западных ценностей, покаяться и всецело принять идеалы чжунго гунчаньдана и дух Пекина.

При этом все происходящие процессы оставались абсолютно незаметными для тех, кто был их главной целью. Причиной этому было не только тщательное сохранение секретности, которой придерживались все участники игры по перекраиванию мира, но также то, что ни один из этих процессов не являлся чем-то кардинально новым для населения земного шара. Никто не конфликтовал больше обычного, никто не проявлял нехарактерной агрессии, выходящей за привычные нормы, никто не демонстрировал запредельного лицемерия или совсем уже непростительного предательства – все шло обычным порядком. Каждая система продолжала нуждаться в остальных, поэтому коллапса цивилизации, ужас которого холодил спины некоторым стратегам в самом начале этого противостояния, не произошло.

Более того – вместо того, чтобы участиться, глобальные и локальные конфликты даже несколько уменьшились. И это несмотря на то, что внутри России и Китая градус антизападной истерии достиг невероятных высот: теперь уже в числе бездумных приверженцев государственной идеологии оказались не только полусознательные себя животные, тактично называемые люмпен-пролетариатом, не только ограниченные рамками собственного быта мещане или покорные стада госслужащих – но и вся так называемая мыслящая интеллигенция вместе с творческой прослойкой из богемы. Те, кто до этого были диссидентами и нонконформистами, смогли, наконец, усвоить официальные ценностные установки, и теперь сами – искренне и добровольно, включились в заботу о “нравственной чистоте” территории, на которой протекало их существование.

Разумеется, это было непросто – как при постройке любой крепости, каждое государство для защиты своих государственных идеологем и этических скреп нуждалось в создании фильтрационной зоны, возведении соответствующих брустверов, контрэскарпов и постов наблюдения. Например, в целях сохранения межнациональных связей пришлось обеспокоиться о ментальных барьерах, своего рода суб-меметических файерволах. Поэтому все переводчики были взяты под особый контроль, а глобальные магистрали интернет-коммуникаций были дополнены комплексом интерпретирующих фильтров. Вся переписка лидеров государств шла через двойной этап тотальной трансформации, в ходе которых все смысловые конструкции огрублялись, перетасовывались и сводились к таким примитивным блокам, которые исключали возможность передачи чего-то большего, чем односложная и прямолинейная мысль. Сперва отправитель излагал ее в такой форме, которая бы облегчала эту метаморфозу, а затем уже на стороне адресата его собственные программы перевода подвергали принятый текст процедуре “семантической дистилляции”. Несмотря на то, что в результате этого некогда витиеватая и многословная дипломатическая переписка, лишенная аллюзий, оттенков, большинства прилагательных и глаголов, превращалась в рубленую казарменную речь, высокопоставленные участники диалога оказались полностью удовлетворены новым форматом общения. Он им настолько понравился, что была выдвинута идея сделать его ведомственной нормой, или даже распространить на все госучреждения.

Что же касается обывателей, чей опыт был практически полностью заключен в языковом пространстве конкретной общественной системы и ограничен информационным полем, тотально контролируемым ею – каждый из них ощутил огромные изменения. И все эти изменения оказались к лучшему. Благодаря импринтингу население смогло, наконец, избавиться от противоречий, которые были обусловлены естественными индивидуальными сомнениями и незначительными различиями в онтологических концепциях, имеющимися у каждого субъекта. Это, конечно, не привело к нивелированию индивидуальных черт – они остались нетронутыми, поскольку их масштаб был неподвластен суб-меметическим воздействиям. Каждый из обывателей по-прежнему был уверен в

наличии у себя собственного мнения, каждый ощущал себя неповторимым индивидом, постоянно убеждаясь в собственном отличии от остальных во время обсуждения достоинств телевизионных сериалов, в ходе дискуссий об успехах футбольных команд, споров о характеристиках моделей автомашин или преимуществах одних брендов высокотехнологичных устройств над другими. Ни один из главных критериев, позволяющих им ощущать свою субъектность и уникальность, не пострадал. Но вместе с этим, под воздействием суб-меметической обработки, общественные структуры, состоящие из таких индивидуумов, стали куда более сплоченными – в глубоких вопросах бытия, в базовых целеустановках у членов общества не возникало больше никаких расхождений. Можно было сказать, что произошло их ментальное цементирование, дававшее надежды на то, что в будущем социум каждой системы превратится в несокрушимый монолит.

Некоторые из ученых поначалу высказывали опасения в том, что подобная тенденция приведет к исчезновению творческой жилки, кто-то еще пытался апеллировать к важности сохранения механизмов скептического отношения к воспринимаемой информации. Однако через месяц их робкие возражения утихли – опыт показал, что волновались они совершенно напрасно. То, что некоторые из этих перестраховщиков называли “творческим началом”, отлично пережило все пертурбации, приняв форму *креативности*. Более того, оказалось, что в такой форме это качество обладает рядом преимуществ – вместо непредсказуемых и неподконтрольных творческих успехов, которые так и не удалось сделать ни регулярными, ни формализованными (как ни пытались этого добиться лучшие умы в течение сотен лет наблюдений за судьбами талантов), общество теперь научилось выпускать тысячи легко обучаемых по четким критериям и формальным методиками специалистов-копирайтеров, производящих гарантированный результат в любой требующейся области: от науки до искусства. Здесь многим странам пришлось учиться у Китая, поскольку он смог отшлифовать эту парадигму задолго до наступления эпохи троянцев. Симулякр творчества наконец-то вытеснил на задворки истории свой прототип – как, под руководством обученных специалистов, конвейерное производство сотен тысяч экземпляров с гарантированными и предсказуемыми характеристиками вытеснило изготовление штучных артефактов жалкими аматорами-индивидуалами.

Социологи каждой из противоборствующих систем были поражены – впервые в истории их науки государство требовало от них не сфальсифицированные отчеты, в которых роль аналитиков сводилась лишь к обуславливанию заранее расчерченных графиков или спущенных сверху цифр, но реальные сводки, отражающие объективную ситуацию. Еще больший шок у них вызывал тот факт, что собранные ими данные на самом деле свидетельствовали о последовательном росте общественного удовлетворения: лишившись утомляющих сомнений, избавившись от амбивалентности в целеориентации, люди перестали находиться в состоянии нерешенного баланса, больше не мучились от влияния на них противоречивых систем и разнонаправленных нравственных векторов. Причем, это коснулось не только и даже не столько государств, являвшихся глобальными игроками на политической арене и использовавших суб-мемы в собственных целях, но в первую очередь их непосредственных соседей и колеблющихся сателлитов (естественно, не в старом – географическом или политэкономическом – значении этих слов).

Католик, который не сомневался в идеях католицизма, стал всего лишь более убежденным католиком. Однако католик, который проживал в смешанном окружении, из-за чего был вынужден испытывать на себе влияние лютеранства, смог наконец-то отодрать от собственной онтологической стены те 95 тезисов, которые на нее когда-то прибил Лютер, и которые нарушали цельность и непротиворечивость его мироздания. После чего он с облегчением вздохнул, радуясь тому, что картина мира обрела для него резкость и четкость, став намного проще для понимания и использования...

Точно так же вздохнуло население маргинальных стран, десятки лет колебавшееся между двумя и более менталитетами – в каждой из их частей возобладала своя доминанта, все стали счастливы, примкнув к тому, кто избавил их от сомнений и сложносоставных идей.

В современном мире у каждого разумного человека соображения функциональности всегда будут превалировать над непрактичными красотами и обременительными эстетическими виньетками – внутри и снаружи все должно быть прочным и удобным: одежда, убеждения, ценности, логика и онтологическая база, основанная на простых и интуитивно понятных образах.

Все это время Брайан находился в своем бункере, откуда краем глаза наблюдал за событиями (едва ли не в буквальном смысле этих слов). Изредка, при крайней необходимости, он осмеливался выбираться в магазин или аптеку, но после этого обязательно подвергал себя системе несложных тестов, разработанных им в первые же дни своего заточения. Эти тесты позволяли обнаружить те или иные изменения в аксиологии, мотивации, ряде семантических констант и т.п. параметров адекватности мировосприятия. Естественно, он отдавал себе отчет, что рано или поздно он подхватит такой вирус из внешнего инфопространства, после которого эта система выдаст ему ложноотрицательный результат... Но с этим приходилось мириться, потому, что единственной альтернативой этому образу действий была только изоляция под грунтом.

Как и раньше, во времена своих вынужденных скитаний, он не позволял себе никаких долгосрочных планов, не строил дальних перспектив, и даже не пытался думать о каком-либо будущем. Все, чего он хотел – это сохранить ясность мысли хотя бы в течение нескольких месяцев, требующихся ему для полного завершения своей работы.

Он наблюдал за тем, как изменения охватывают планету. Стараясь не соприкоснуться с их причинами, он, тем не менее, мог достаточно адекватно оценивать вызываемые ими изменения по безопасным для постороннего наблюдателя следствиям.

Если не считать ключевых политических игроков и персонал, составляющий их интеллектуальные штабы, Брайан, вероятно, оказался одним из немногих, кого не коснулся эффект этой троянской войны. Безусловно, где-то еще существовали мелкие группы вроде хиппи, ренегатов и дауншифтеров, любивших на несколько месяцев разрывать свои связи с цивилизацией и тешить себя игрой в “натуральную свободную жизнь” – чтобы затем (исчерпав необходимые для выживания запасы), наведаться в ближайший населенный пункт за очередной порцией готовых продуктов и набором современных промышленно изготовленных инструментов, требующихся им для “естественной жизни”... После чего эти люди возвращались “назад к матери-природе”, отзываясь о “внешней суете” оставленного ими мира с таким высокомерием, которое обычно встречается только у оскопивших самих себя евнухов. Эти социальные группы в наименьшей степени подвергались обработке суб-концептами, однако все равно оказывались накрытыми этой волной. Все их отличие от остальной цивилизации заключалось лишь в том, что они упорно плелись в арьергарде (что, судя по всему, не только являлось их стилем жизни, но было всей их философией и единственным предметом гордости). Когда эти общины возвращались в лоно глобальных групп, включаясь в социальных процессы, они даже не успевали осознать изменения, которые произошли с окружающими за время их отсутствия – метаморфозы, которые при этом накрывали их собственный менталитет, меняли их быстрее, чем они оказывались способными разобраться в возникшем у них смутном интуитивном ощущении: “что здесь не так?”

С самых первых дней своего карантина Брайан решил сосредоточиться на разборе механизма троянца – еще во время пребывания в пансионе у него были идеи, которые он так и не успел ни обдумать как следует, ни проверить. Однако очень скоро происходящее в мире отвлекло его внимание, и он был вынужден переключиться на осторожный мониторинг изменений, происходивших в обществе

под воздействием все новых и новых порций забрасываемых троянцев. Естественно, ни один из этих вбросов не обнаруживался непосредственно, не заявлял о себе сам – у Брайана были методики, в чем-то схожие с алгоритмами статистического отдела группы Илион, которые давали ему достаточно информации о волнах изменений, наступающих снаружи убежища после каждого троянского “залпа”.

Наблюдение за происходящим настолько потрясло Брайана, что он полностью оставил свою работу над природой троянца: то, что творилось за стенами бункера, сперва его насторожило, затем стало казаться каким-то абсурдом, а в последнее время он уже ловил себя на мысли, что желает проснуться и обнаружить, что все это не более чем дурной сон лингвиста-социопата. Увы, этот сон не прекращался, причем ночь ничем не отличалась от дня – с каждой декадой новости становились все более удручающими. Круглые сутки его преследовали одни те же вопросы: что делать теперь, когда события вышли из-под контроля? Неужели те, кто активно участвуют в происходящем, до сих пор не понимают, что они уже не управляют ситуацией, что они сами стали заложниками цепной реакции? Но даже если кто-то из них это видит, он ведь также должен понимать, что остановить эту машину уже невозможно... И что в этом случае делать ему, Брайану?

Последние месяцы, изучая эту динамику, Брайан сохранял надежду на то, что тенденция еще может измениться, что оружие троянцев еще можно сложить, прекратив бездушное уродование когнитивного аппарата населения планеты... Однако несколько недель назад наступил момент, когда он понял, что занимается самообманом. Ему стало ясно, что точка невозврата уже пройдена, он просто не хочет в этом признаваться самому себе.

Это был тяжелый момент осознания свершившегося факта, но благодаря ему Брайан перестал надеяться на авторегуляцию процессов и заставил себя вернуться к той безумной мысли, которая посетила его в конце работы над механизмами троянца.

Мысль действительно могла показаться безумной всем, особенно обывателям, прошедшим ментальную обработку и лишившимся каких-либо сомнений в незыблемости и объективной безусловности собственной реальности. Но для самого Брайана эта идея была логичной и многообещающей – причем настолько, что у него кружилась голова, едва он задумывался о тех возможностях, которые она открывала.

Еще когда война только начиналась, Брайан знал, что о значимых последствиях можно будет судить не раньше, чем через месяц-другой, поэтому полностью сосредоточился на разработке идеи, вспыхнувшей у него во время воспоминаний о тех сотрудниках из рабочей группы, с которыми ему уже не суждено было увидеться. Ему припомнилось странное исчезновение Стиана – именно того, с кем он поделился своим предположением о том, что троянец не ограничивается импринтингом скрытых тезисов, но также берет на себя обеспечение соответствия реальности этим тезисам. Идея была странная, но отмахнуться от нее было нельзя, поскольку прямым или косвенным образом она содержалась в каждом сообщении испытуемых.

Перечитав последние сообщения от Стиана, Брайан пришел к убеждению: это не могло быть ни добровольным бегством, ни переходом на чужую сторону. Не такой человек он был, не так он себя вел в предшествующие исчезновению дни, не те письма приходили от него... В конце концов, Брайан знал Стиана не один год. Версию насильственного похищения, идеально исполненного могущественной разведкой какой-то державы, еще можно было бы рассматривать, однако от нее за версту несло душком притянутого за уши объяснения “от безысходности” – когда ни одна из рациональных версий не находит подтверждений, в качестве спасительной гипотезы принимается такая, которая обладает единственным достоинством: ей достаточно одних допущений, потому что доказательства “pro” и “contra” добыть невозможно... Кроме того, вспоминая представителей спецслужб ряда стран, с которыми ему довелось пересечься, он не раз ловил себя на мысли, что пиетет к их компетенции

вполне может оказаться преувеличенным. Таким образом, от этой версии он избавился без малейшего сожаления. Но что же у него, в таком случае, оставалось?

У него было свое объяснение исчезновения Стиана. И это было такое объяснение, которое могло прийти в голову только тому, с кем Стиан состоял в переписке – только самому Брайану, который продолжал верить в неизученную мощь потенциала троянца, который чувствовал, что остальные исследователи текста ограничились раскрытием лишь поверхностных слоев его функционала.

То, что произошло со Стианом, не было не бегством, ни похищением, потому что имело совсем иную подоплеку и заслуживало совсем другого определения. Когда подобный случай происходил на фронте, военная хроника описывала его как “подвиг”, но в обыденной жизни он оборачивался в казенную формулировку “несчастный случай на производстве”. Чем дальше Брайан размышлял о том, что могло случиться с его товарищем, тем больше склонялся к тому, что произошла катастрофа, ставшая одновременно свидетельством невероятного прорыва в исследовании.

И, что самое грустное, косвенным образом причиной этой катастрофы был он сам.

Брайан еще раз внимательно изучил последнюю переписку со Стианом. Да, вот его собственное письмо, в котором он делится своей идеей. Судя по тону своего письма, Брайан видит, что она его посетила буквально только что – он с воодушевлением описывает ее, он приводит аргументы и делится желанием вскорости серьезно заняться ею. К сожалению, ему помешали осуществить это намерение – пришлось забыть о троянце и в спешном порядке менять убежище. Потом прошло несколько дней в скитаниях, и, когда он смог выйти на связь, Стиан уже пропал.

Брайану казалось, что он наконец-то понял, что произошло. Похоже, его предположение оказалось намного ближе к истине, чем он сам предполагал. И очень вероятно, что все прочие исследователи, находившиеся в тот момент близко к пониманию подлинной мощи троянца, ходили вместе с ним по тому же минному полю. И не забрели на него лишь потому, что их интересовали куда более прагматичные аспекты технологии, обнаружение которых сосредоточило все их интересы на вопросах практической эксплуатации импринтинговых механизмов троянца...

Сама же идея, зародышем которой поделился Брайан, выросла, проклюнулась и... исчезла вместе с его товарищем – вместе с тем, кто первым сумел раскрыть подлинную мощь послания. Вероятно, он решил проверить эту версию дома, вдали от глаз соратников и неизбежного контроля начальства, и, случайно, не будучи подготовленным к своей находке, обнаружил суб-концепты, относящиеся к глубинными структурами онтологии, которые вели к самим основам структурирования пространственно-временной канвы... Вероятно, каким-то образом, в ходе экспериментов с ними, их комбинация сложилась для него в разрыв реальности – и Стиан оказался попросту вырванным из того мира, в котором остались все остальные. Что с ним случилось, остался ли он жив, и если да, то “где и когда” он сейчас – установить было уже невозможно. Вероятно, даже дать определение этому локусу не мог бы никто, кроме самого автора – самого Стиана. Но это уже ни на что не влияло – главным теперь было то, что сущность троянца наконец-то стала понятой в полной мере.

Брайан до сих пор помнил, как он тогда замер, осознав эту догадку. Он помнил, как переживал одновременно массу совершенно разных эмоций и мыслей: его мучило сознание вины перед товарищем, его будоражила радость от возможной гениальной находки, которую он ему подсказал, его тревожили перспективы, которые открывались в случае, если это подтвердится – и параллельно с этим кто-то в его голове успокоительно-цинично нашептывал ему, что подобные прорывы никогда не обходятся без человеческих жертв, что идея-то пришла в голову ему, Брайану... Это был целый каскад чувств, озарений и сомнений... в числе которых отчетливо звучало следующее: очень может быть, что Брайан в настоящий момент является единственным, кто владеет этой находкой. И поэтому он обязан – по всем соображениям, включая человеческую совесть и этику ученого – обязан сам довести начатое

до конца. Какие бы опасности его ни ждали, это минное поле ему придется одолеть в одиночку, не допуская на всем пути ни единой ошибки, поскольку исправлять их будет никому.

Впрочем, теперь он знает об угрозах: praemonitus, praemunitus.

Момент озарения держался в его памяти до сих пор, вплоть до малейших деталей. Он помнил, как сидел в своем бункере, глядя приютившегося у него уличного кота, и думая при этом о Стиане: “Судя по всему, концептуальные узлы, которыми ты выбрал для экспериментов, связались в структуру, структура сплелась в сеть... и эта сеть оказалась выходом в новый мир – полный новых связей, новых миллиардов понятийных узлов... Что же за онтологию тебе удалось сложить? Какой таинственной сетью ты был схвачен и вытянут из собственной реальности?.. Я уже никогда об этом не узнаю. Что бы с тобой ни случилось, где бы ты ни оказался – ты не станешь бессмысленной жертвой. Я постараюсь завершить эту работу”.

В то время он еще верил, что его работа может кому-то пригодиться, что она еще способна будет что-то предложить людям, открыть им подлинное значение и силу того, что досталось им вместе с троянцем.

Бросив все силы на скрупулезную и осторожную разработку этой теории, он вскорости обнаружил, что так называемая реальность не просто отражается при помощи глубинных концептов и субконцептуальных элементов, но полностью формируется ими. Несколько недель Брайан пытался понять принципы этой зависимости, и, едва что-то забрезжило в этом представлении, как происходящее за стенами убежища вновь переключило фокус его внимания.

К этому моменту ему удалось достичь немалых результатов. Конечно же, он не рассчитывал вычленив все концепты фундаментального уровня – скорее всего это вообще было невозможно. Однако случившееся со Стианом свидетельствовало о том, что некоторые фундаментальные зависимости можно было использовать... Как бы получше это сформулировать? – думал он: – скажем – с целью дополнения восприятия имеющейся структуры, с целью *доопределения* реальности. Пусть не всей, но хотя бы крохотных ее аспектов, локализованных и частных случаев...

Через несколько дней осторожного перебора возможных абстракций Брайан выяснил, что субконцептуальная последовательность не столько изменяет существующую реальность, сколько выбирает подходящий паттерн из бесконечного набора равнозначных “реальностей-в-потенциале”, устанавливая новые связи между тем, кто оперирует этой последовательностью, и соответствующим вариантом реальности в безграничной мультивселенной (термин, который, как он теперь понимал, обладал правом на более широкую трактовку, чем употреблялся обычно), актуализируя ее для него самого.

И вот тогда до него дошло, что именно это и было главной целью и основным содержанием троянца. Его автор намеревался продемонстрировать людям не просто новый инструмент пропаганды тех или иных моделей, по-разному описывающих какую-либо *данность* – что угодно, но точно не это было его целью. Автор троянца указал людям на двустороннюю связь между концептуальными кирпичиками их когнитивных моделей и неисчерпаемым изобилием разнообразных реальностей, каждая из которых была столь же объективна и предметна, как и та единственная, которую они успели обжить внутри собственной “единственно верной” онтологии...

Несколько последних дней ушли у него на то, чтобы проверить возможность использования обнаруженного им механизма для исправления ситуации, разворачивающейся за пределами бункера. Увы, к тому времени ему уже стало ясно, что события зашли слишком далеко – текущее положение вещей накопило такой объем каскадных метаморфоз в онтологии, в ментальности и в мироощущении, который уже ничто не способно было исправить. Однако еще сохранялась возможность установления связи с самим локусом вброса троянца. Событийный “где-когда” фрагмент реальности, обрамляющий

это событие, мог быть локализован и стать доступным для Брайана – при условии, если ему получится корректно подготовить контекст. Теоретически, это было решаемо.

Допустим, ему удастся найти и вычистить само зерно исходного текста, которое было кем-то выброшено в их мир около года назад. Может и должен ли он попытаться сделать это? Похоже, что других вариантов исправления ситуации уже не оставалось. Человечеству нельзя давать инструмент, сложность которого превосходит сложность целей, для которых оно способно его употребить, или сложность его собственного самоотождествления. Возможно, какое-то другое человечество – менее угнетенное фобиями, направленными вовнутрь себя – оказалась бы более подходящим владельцем этого инструмента. Возможно, оно бы смогло воспользоваться троянцем для поднятия своей экзистенции на новый уровень, находя при этом качественно новые методы решения своих задач, и – что еще более важно! – открывая при этом новые пространства для постановки перед собой новых, ранее недоступных. Наверное, у автора троянца были надежды, что механизмы субконцептов позволят людям расширить палитру тех красок, которыми они рисуют окружающий ландшафт и себя самих, насытить эту картину новыми деталями и оттенками... Однако вместо добавления многообразия мир Брайана использовал этот инструмент для того, чтобы сократить набор используемых полутонов, для того, чтобы избавиться от утомлявшего её избытка оттенков. Люди предпочли усилить четкость изображения путем повышения контраста и сужения всех доступных им градиентов до минимума...

При этом достигнутый результат всех полностью удовлетворил.

Брайан ощутил, как на него навалилась волна стыда пополам с досадой из-за того, что люди оказались не готовыми как к технологии, так и к самому знанию о троянце. Он сидел на диване, обхватив руками голову, пытаясь справиться с охватившей его дрожью, чувствуя, как горят его щеки под ладонями. Это был коллективный позор, который за все человечество переживал он один – потому что только он один знал о нем. И это не уменьшало этот груз, а увеличивало его: выходило, что они не просто забивали микроскопами гвозди, но сперва расколотили микроскопами все образцы для наблюдений, а затем – собственные лбы... Ведь сам троянец был создан не марсианином, а кем-то из людей, кто был ошеломлен открывшимися ему перспективами и искренне желал поделиться ими со всеми остальными, тем, кто создал этот вызов перед цивилизованным миром, верил в него, верил в людей, верил в установку общества на прогресс и в его умение уберечь себя от катастрофических ошибок. Этот человек искренне полагался на те качества, которые человечество ни раз уже демонстрировало в ходе десятков тысяч лет своего выживания...

К сожалению, оказалось, что автор троянца... ничуть не ошибся. Человечество берегло себя настолько умело, настолько тщательно преследовало цели сохранения собственного гомеостаза, что использовало обнаруженный им инструмент именно так, как могло – по единственно доступному ему назначению. Возможно, это было даже к лучшему. Если бы оно открыло для себя глубинные силы, скрытые в троянце, то совершило бы с собой куда более чудовищные вещи, чем те, которыми предпочло ограничиться. Теперь Брайан почти не сомневался в этом. Как социолог, он отлично понимал главный тезис: *человечество – крайне стабильная система*. И если ради поддержания своей стабильности ему требуется пожертвовать чем-то, что наивные идеалисты называют “прогрессом”, “эволюцией”, “стремлением к новому” – оно без малейшего сомнения принесет эти жертвы на алтарь самосохранения. Тем более, если в результате этого жертвоприношения эти самые понятия “прогресса” и “эволюции” переосмыслятся таким образом, который позволит обществу и в дальнейшем продолжать любоваться своим отражением в зеркале самоотождествления.

“Да уж, – подумал Брайан, вспоминая персонажей известной пьесы, – человечество имеет все основания быть всегда довольным самим собой”.

Этим утром ему удалось наконец определить эпицентр события – нулевую точку вброса текста. К вечеру он смог установить концепт-маркер на этот локус и сформулировать суб-паттерн, обеспечивающий выход на него... как вдруг до него дошло – *кто* был автором троянца.

Ему стало ясно, что текст был помещен в исходную точку точно таким же способом, каким он сейчас собирается его удалять – именно поэтому автора так и не удалось установить. Но это было не всё. Троянец был создан и опубликован самим Насу Брайаном. Он не знал, как он это понял, он не мог привести всех аргументов этому объяснению, но у него не было никаких сомнений в том, *кто именно* создал этот текст. Возможно, это просто открылся его последний смысловой пласт.

Брайан, безусловно, понимал, что это был не лично он – это была несколько другая его версия, из другой реальности мультивселенной – более успешная и доверчивая, более человеколюбивая, более оптимистичная... Наверное, у *того* Брайана для этих качеств имелись все основания – *его* реальность, должно быть, соответствовала им в полной мере.

Едва он сообразил это, первым его желанием было установить выход на мир *того* Брайана. Однако очень скоро он понял, что это было безнадежной затеей – вариант *того* мира был слишком сложен для *этого* Брайана. Он вынужден был с сожалением признать себе, что не способен даже представить себе онтологии автора троянца – она слишком отличалась от его собственной.

Его не удивил этот факт – это была принципиальная ограниченность самого рассудка. По этой же причине ни одно разумное существо не способно обнаружить и распознать проявление какой-либо интеллектуальной деятельности, которая бы превосходила его собственную. Таковы были естественные лимиты самого разума, самой природы рациональности – и с этим приходилось мириться. Собака не понимает, что человек умнее ее, она просто признает его могущество и авторитет в ряде вопросов. Человек никогда не обнаружит результаты когнитивной деятельности, превосходящей его собственную даже на одну ступень. Точно так же любые потуги представить *что-либо более совершенное* будут изначально обречены – по самому своему определению. Любая такая попытка закончится выхолощенным описанием доступной данности, из которой с неизбежной утратой цельности и последовательности будут искусственно вымараны негативные моменты, не устраивающие наблюдателя по той или иной причине. По-настоящему *более совершенный и сложный мир* сознанию недоступен – ни чувственному опыту, ни рассудочному мышлению. Всё "лучшее", о чем мы способны мечтать, неизбежно будет оставаться примитивизированной, кастрированной данностью, которая будет слепком, сделанным с того, что окружает нас самих здесь-и-сейчас.

Итак, достигнута *отсюда* к миру *того* Брайана было невозможно. В то же время реальность *этого* Брайана под воздействием троянцев, выхолощающих онтологию населения до уровня лапидарных формулировок, примитивных, доступных каждому и лишенных полутонов, оказалась превращенной в каменный туннель. Не было никаких сомнений в том, что он вел в глухой тупик, возврат из которого невозможен. В сущности, это были похороны онтологии, лишившейся пластичности, динамичности и свободы эволюционирования. Теперь её высушающее тело будет медленно каменеть, постепенно превращаться в фоссилию, способную пережить все катаклизмы, устоять перед всеми возмущениями и совладать с самим временем – для того, чтобы когда-нибудь, спустя сотни веков, некий немислимый в нашей системе представлений исследователь концептуальных систем мертвых цивилизаций смог обнаружить ее, смести с нее пыль щеточкой и, уважительно проведя желтым ногтем по ее поверхности, произнести: "Хорошо сохранилась!". И поставить ее на полочку рядом с окаменелостями остальных тупиковых ветвей эволюции.

Вечерние сумерки сгущались, решение Брайана медленно созревало, принимая все более четкие очертания. Он поднялся с дивана, служившего ему постелью последние несколько месяцев, и не спеша подошел к столу, на котором его ждали готовые паттерны установления связи с локусом и

подготовленный сценарий их использования. Здесь, стоя перед столом и смотря на эти листы бумаги, он поймал себя на мысли, что задействовав их, в сущности, добьется совсем немногого: этим он лишь вернется к точке сохранения в уже проигранной игре. В игре, итог которой был predetermined очень давно – десятки тысяч, если не миллионов, лет назад. Проблема была не в троянце и не в его механизмах – они послужили не более чем лакмусовой бумажкой, тестом, компасом для указания того, какой оборот – рано или поздно, так или иначе – примут события. Они произойдут в любом случае – под воздействием механизмов данного троянца, или созданного кем-то еще, а может быть вообще под влиянием совершенно иных факторов, которые за время существования человечества встречались несчетное количество раз, и могут встретиться в любую минуту. Что, в сущности, произвел этот троянец? – всего лишь раскрыл концовку, развернул спойлер, очертил границы сюжетной линии, осветил тупик в туннеле, продемонстрировал сценарный вектор, способный быть отыгранным силами данной актерской труппы в рамках данного театра. Какой смысл отматывать ленту назад только из-за того, что тебе не понравился сюжет или характеры персонажей? Это не изменит – ни их, ни финал комедии. С троянцем или без него, их действия будут продиктованы неизменными шаблонами, которые категорически не приемлют изменений. Они сумеют предотвратить любое воздействие, способное поколебать их онтологию, их парадигму самоощущения, их обжитый шаблон реальности.

Он без малейшего сожаления разорвал свои наброски, положил обрывки на тарелку с остатками ужина и сжег их. Затем порылся в рюкзаке и извлек оттуда набор отверток. Выключил ноутбук, снял его заднюю крышку, извлек из него пластину жесткого диска. Несколько ударов молотком превратили её в крошево.

Брайана уже больше не интересовала цель, которую *он* преследовал, вбрасывая троянца год назад: было ли это продиктовано стремлением дать человечеству шанс диверсифицировать онтологию или же *он* хотел продемонстрировать факт невозможности использования *этим* человечеством и ненужности *для него* этого шанса? Все это уже не имело значения.

Избавившись от ноутбука и прибрав мусор, Брайан подобрал со стола “Oscom Tactical” – свой походной нож, еще хранивший на себе следы недавнего приготовления рагу из баклажан с перцем. Затем наклонился к распределительному щитку и щелкнул тумблером, управлявшим дизель-генератором бункера. Мерное тарыхтение, раздававшееся в конце коридора, захлебнулось и стало затихать. Около минуты он стоял, ни о чем уже не думая и не переживая, просто дожидаясь, пока в бункере не наступит полная тишина.

Брайан посмотрел на часы: было ровно 8:30, половина девятого – пора принимать решение, откладывать дальше нет никакого смысла. Его ноги, споткнувшись о стул, сделали два неуверенных шага к выходу. Не замечая этого, он думал о том, что каждый человек до последнего будет стремиться сохранить свое мироощущение, свой образ жизни, сопротивляясь любым попыткам насильственно лишить его дорогих ему паттернов, важной ему онтологии – он сам представлял собой пример этого. Брайан не отрицал, что лишь волей обстоятельств оказался в положении, когда ему не оставалось ничего иного, кроме как искать новые грани и найти их... Но можно ли условия, в которых оказался он сам, расценивать как решение, приемлемое для всех? Вопрос риторический.

Еще пара шагов. Чем дальше размышлял Брайан, тем очевиднее становилась для него бессмысленность каких-либо действий. Несмотря на то, что он был единственным в мире, кто знал о механизмах, отравивших цивилизацию, и кто мог их отменить, он отлично понимал, что это было бесполезно, поскольку цивилизация была обречена оставаться такой, какой она есть. Нельзя быть вылеченным от самого себя.

Он медленно, словно пробираясь сквозь густую среду, преодолел туннель бункера, добрался до конца и остановился перед огромной ржавой дверью, напоминавшей ворота старого шлюза. Прочная, тяжелая, она висела на четырех толстых литых петлях, украшенная двумя вентилями-замками,

которые располагались, как принято в военных убежищах, в двух точках: один на уровне колен, второй – над головой. Тот, что был сверху, давно заржавел и никогда не использовался, но нижний вентиль Брайан месяц назад зафиксировал в крайнем положении, зная, что никто снаружи не вознамерится проверять прочность этой двери на слом.

Стараясь не смотреть на лезвие, Брайан переложил нож в правую руку, взялся за рычаги и медленно повернул их против часовой стрелки, выдвигая засовы из железобетонных пазов, полных затхлой воды. Червячная передача противно повизгивала, осыпая его руки ржавой крошкой, Брайан смотрел на уходящие в пазы фиксаторы, ощущая при этом, как на него наваливается какая-то невыносимая усталость. Полдюжины оборотов хватило, чтобы полностью разблокировать замок – теперь дверь можно открыть как изнутри, так и снаружи. С поднявшихся засовов медленно капала вода, отдавая неприятным звуком, напоминающим неторопливый отсчет.

Толстая грубая скоба, служившая захватом для открывания двери, находилась непривычно высоко – прямо перед глазами, рядом с литой табличкой “ОТКРЫВАЕТСЯ ВНУТРЬ”. Оглядев напоследок дверь, он поднял руку, прочертив полумрак острой кромкой Оссам’а, на мгновение непроизвольно зажмурился, словно готовясь к резкому свету после полумрака бункера – хотя отлично знал при этом, что снаружи его ожидает ночь – затем, преодолев себя, резким взмахом руки открыл в туннеле выход.

© Валентин Лохоня 2021.10.22

<https://nonnihil.net>